

Богата тайга в предгорьях Сихотэ-Алиня. Разнообразны ее растительный и животный мир. Бывает, что за один день можно встретить гималайского и бурого медведей, соболя и лося, кабаргу и изюбря. Лианы красного винограда заплетают древние стволы тисов, на укромных полянах краснеют ягоды женьшеня; черная и белая березы не соперничают из-за площади, а на кедрах вырастают шишки такой величины, что взять их возможно только двумя руками. Вода в многочисленных реках даже летом ледяная, потому и поселились в ней такие красавцы, как таймень и выдра.

Среди этого великолепия с раннего утра и до позднего вечера — скрип, скрип, скрип... Метр за метром навстречу стремительному потоку проталкивали ульмагду Мионка с женой, упираясь длинными сухими шестами в каменистое дно. Два их пассажира с большим грузом ящиков и мешков сидели на дне суденышка. Неприветливо журчала и пенилась среди камней речка-ручей Яа. В большую воду она размывала корни лесных исполинов, сбрасывала их с пьедесталов, сооружая плотины чаще всего на поворотах. В малую воду — глубина по колено.

Манаев опасался, что шести не выдержат напряжения, сломаются, когда оба удэгейца налегали на них, сгибая чуть ли не в дугу. Они с Вавиловым попытались помочь, но у обоих получилось так плохо, что лодка стала продвигаться не вперед, а назад по течению. Мионка заулыбался и отобрал шести.

Немногочисленные удэге, кочевавшие в прошлом, со временем осели в двух национальных селах по разные стороны хребта, но многовековая привычка нередко оставляла за их спинами пустующие дома на месяцы и даже на годы. Свободные, как ветер, они не желали и не могли сидеть в четырех стенах. Облюбовав на реке галечную косу, сооружали на ней шалаш и проживали лето по-своему, в обществе преданных собак, воды, леса и прожорливых полчищ гнуса.

Когда Мионка узнал, что русский начальник Вавилов ищет человека, хорошо знающего тайгу, он с удовольствием принял предложение быть официальным проводником, поставив условие, что жена его будет вместе с ним. Вавилов не только не возражал, был даже рад этому. Жизнь аборигенов проходит преимущественно на воде, с детства они учатся искусству работать шестами, отличные рыбаки и охотники. Вавилов не мог без восхищения смотреть, как словно бы шутя управляли Мионка с женой громадной лодкой. Сказывался многолетний навык.

За очередным поворотом река сделалась заметно мельче, и вскоре путешественники вынуждены были остановиться. Обмелевшая Яа не хотела пропускать в свои верховья тяжело нагруженную ульмагду. Русло оказалось завалено стволами толстых деревьев. Не объехать, не обойти. Густой лес начинался прямо от берега.

Среди коричневатых лиственниц девственно белели березы, свинцом отливали осины, мрачно темнели ели.

Дыхания ветра в закрытом пространстве не ощущалось, всевозможный гнус висел в воздухе плотными столбами.

Манаев распаковал двуручную пилу. Несколько часов, сменяя друг друга, пропиливали в заломе проход на ширину лодки. Не переставая пилить, свободной рукой смахнул пот со лба, давя не успевших оторваться от кожи комаров и размазывая по лицу собственную кровь.

— Перекур, — скомандовал Вавилов.

Он не мог даже предположить, что в дальнейшем подобные остановки придется практиковать через каждые пятьсот-восемьсот метров. Многие стволы покрылись мхами и мелкими, как бисер, цветами. Если завалы были слишком уж громоздкими, четверо выгружали свой скарб на сухое место, волоком перетаскивали пятиметровую лодку на чистую воду и продолжали путь. По мере продвижения к главному хребту заломы встречались все чаще, и Вавилов принял решение продолжать путь пешком.

Звонкий стук топоров заставил насторожиться не одного обитателя глухомани. Соорудили лабаз, подняв его на столбах повыше, оставили в нем большую часть запасов продовольствия и кое-что из инвентаря. Вавилов, Манаев и проводник распределили оставшийся груз по трем рюкзакам. Женщину нагружать не стали, учитывая, что она и без того постоянно носила за спиной нехитрые семейные пожитки.

Уже через несколько дней всем стало ясно, что быстро передвигаться в пойме реки они не смогут, такой захлавленной оказалась вся низина между двумя отрогами. Как ни пытались ускорить выполнение намеченного, работы растянулись на месяц.

К месту хранения запасов возвращались голодными, зато с особым энтузиазмом. Чистое небо и плавное движение воды навевали теплые домашние мысли в предвкушении сытного ужина. Шедший первым Вавилов нерешительно остановился. Ему показалось, что пришли не туда. Мионка осторожно обошел место, где должен был находиться лабаз. Все окружили его, ожидая разъяснения.

— Два медведя ходи, — сообщил проводник, закончив осмотр. — Сразу за нами ходи, след старый. Еще росомаха ходи, продукты мало-мало таскай.

В груди Вавилова тревожно похолодело. Неужели придется свернуть удачно начатые работы, не выполнив задания, и возвращаться на базу за тридевять земель? Он предложил всем обойти прилегающую территорию. «Улов» оказался скромным. Звери оставили после себя килограмма три макарон, около пяти пшена и рюкзачок с ржаными сухарями, застрявший в кустах. Консервные банки были смяты почти в лепешки и никакой ценности не представляли. С такими запасами впору бежать из тайги как можно скорее. Вавилову, как старшему группы и ответственному за проведение работ, необходимо было на что-то решиться. Без продуктов делать нечего, это ясно. Спускаться вниз, бежать от первых же трудностей, чтобы через месяц, загрузившись, вернуться сюда вновь? Столько времени потерять. И кто даст гарантию, что не придется искать другого рабочего и другого проводника? Оставшись, он рискнет собой и Манаевым. Удэгейцы не в счет, им не привыкать, выживут. Но если смогут выжить вдвоем, почему не попытаться сделать то же вчетвером?

Вавилов долго смотрел на завораживающий огонь. Решившись, скрылся в палатке проводника. Манаев спал и не видел, как Мионка с женой, захватив с собой собак, отплыли перед рассветом и уже к полудню привезли в лагерь тушу жирного изюбря.

— Виталий! — позвал Вавилов.

Манаев отошел от туши, листьями тальника стирая с рук остатки изюбриной крови.

— Ситуацию понимаешь?

— Вполне.

— Тогда слушай. Здесь работы осталось на полтора-два месяца. Если поднаутужиться, можем уложиться в один. Конечно, придется пахать. Но для этого необходимо сохранить мясо. Не сумеем, все усилия коту под хвост. Улавливаешь?

— Сделаю, Захар Степанович. А как же объекты?

— Поможет Мионка. Включу в бригаду его жену.

Коптильню соорудили быстро. Проводник залиvisto посвистел, из кустов выбежали две собаки. Через несколько минут выбралась еще одна и покатила с ним белым пуховым клубком. Летом собаки у Мионки находились на подножном корму, лоя живность по ходу следования за хозяином. Подбежав к людям, они не ластились к проводнику и не рычали на его попутчиков. Манаеву показалось, что собаки не только прислушиваются к голосу повелителя, а понимают каждое слово из монолога, произнесенного по-удэгейски. Вавилов подошел к Манаеву.

— Нам пора. Вернемся, самое большее, недели через полторы. От силы две. Не страшно оставаться?

— Не впервой. — Виталий помахал отъезжающим рукой. — Кто полезет в такую глушь?

Оба понимали, что имеются в виду не звери, а «худые» люди.

— Яндоска выручать.

Произнося эту фразу, женщина гладила шею серой сучки и что-то тихо выговаривала ей. Собака смотрела умными глазами и не делала попыток запрыгнуть в лодку.

— Такой охрана — страха нету, — шутил Мионка, отталкиваясь от берега шестом.

— Ну и что мы имеем с гусь?

Виталий произнес свою любимую хохмочку вслух, и собаки, улегшиеся было у палатки, подняли головы, решив, что человек обращается к ним. Виталий знал их по именам.

Моряк — крепкий кобель на толстых лапах, сам весь черный, только на груди белый треугольник, за что и получил кличку. Виталий почесал ему за ухом:

— Уж не про тебя ли сказано — черного кобеля не отмоешь добела? Тебя вот попытались отмыть, да не смогли.

Собака внимательно вслушивалась.

Яндоска изобретательна. Проводник рассказывал, что подстрелил изюбрия, когда тот находился в реке. Упав после выстрела, животное осталось лежать на поверхности потока и медленно уплывало по течению. Яндоска в несколько прыжков догнала тушу, запрыгнула на нее и вцепилась зубами в шерсть. Так верхом на изюбре и приплыла прямо к лодке, где ее уже поджидала жена проводника. Они ходили в лес, как в собственную кладовку, расчетливо и наверняка, но никогда не брали лишнего.

Щенок Сата — надежда Мионки. Совсем еще молодой пушистый кобелек приобрел кличку за внешнее сходство со сладким продуктом. «Сата» по-удэгейски сахар. Мионка объяснял, что взял его с собой, чтобы в стае с двумя опытными собаками в естественных условиях он как следует поднатаскался. Щенок старательно копировал повадки взрослых.

Виталий оглядел ставший пустынным берег. Река сплошь состояла из бесконечных восьмерок. Плынешь вроде строго на восток, а через час картина меняется на противоположную. Горы, маячившие далеко впереди, оказываются за спиной.

Огонь, разложенный женой Мионки под вешалами, начал потихоньку затухать, следовало приниматься за работу. Деревьев с трухлявой корой оказалось много, и проблем с дровами не было. Виталий крошил кору и сыпал в огонь. Горячий дым обволакивал куски разложенного на жердях мяса.

Первый день относительного одиночества пролетел незаметно. С сумерками налетели комары. Пришлось натянуть на голову капюшон энцефалитки. От лица, повернутого к костру, кровососов отгонял дым. Ночные тени зловеще ползли по траве, постепенно затемняя кустарник, скрывая его за непроницаемой завесой. Стена леса превращалась в темноте в отвесную скалу, уходящую вершиной к множеству мелких белесых звезд. Манаев ощутил себя на дне глубокого колодца, из которого виден только квадрат неба.

Спокойно проходили день за днем, ночь за ночью. Он кормил собак мясом, и они никуда не уходили от палатки. Только однажды ночью на другом берегу слишком громко затрещали кусты. Кто-то ломился напролом, не то убегая, не то догоняя.

Долго прислушивался. Собаки молча стояли, повернувшись в сторону реки, пока шум и треск не затихли вдали.

В непрерывных хлопотах прошла неделя. Мясо было закопчено и уложено в мешки, а товарищи все не возвращались.

Ночь выдалась темней некуда, без единой звездочки. Месяц тоже куда-то отлучился. О таких потемках говорят — «хоть глаз выколи». Глаз колоть Виталий не хотел и уснуть не мог. Собаки забрались в палатку и легли у него в ногах.

В эту ночь он впервые почувствовал пустоту одиночества. Медленно и осторожно подкрадывалась тоска. Вспомнил родительский дом, большую семью с дюжиной братишек и сестреноч, всегда чем-то занятых. Они все там, а он здесь один. Вокруг тайга, звери, клещи и вязкая темнота, в которую невидимками вплелись грусть и жалость к себе. Попробовал вспомнить что-нибудь бодрое, веселое, но, как нарочно, припоминалось печальное, под стать настоящему:

*Вот умру от клеща я, закопают меня,
И родные не узнают, где могилка моя.
На мою на могилку никто не придет,
Только осенью холодной изюбрь проревет.
Проревет, промычит он и в тайгу убежит,
А могилка сиротинки одиноко стоит.*

«Довольно, возьми себя в руки. Какой ты сиротинка бедненький при живых родителях? Так недолго и с катушек слететь!» Виталий сунул в рот трубку, набитую полусырыми листьями березы, закашлялся и окончательно пришел в себя. Вокруг него в природе будто ничего не происходило, казалось даже, что он слышит, как свистит воздух от вращения Земли. Этот свист назойливо стоял в ушах. И в то же время космос становился тяжелым, ощутимо давил на плечи, пригибал. Даже когда он лег, продолжал чувствовать его давящую силу. Кто-то невидимый боролся с ним. Не разгадана сила густого мрака, постоянно надо быть к чему-то готовым. К чему?

Манаев нащупал поллитровую банку со свечой, зажег. Слабый огонек не пробил плотной завесы, пугливо вздрагивал. Взрослые собаки насторожились. Проснулся щенок и не сводил с них широко открытых глаз. Свеча превратила внутренность палатки в сказочный мир. Ни один предмет полностью не был виден, только угадывался. Моряк тихо зарычал.

Манаев прислушался. Звонящую тишину нарушали чьи-то далекие осторожные шаги. Очень осторожные. Зверь бы себя не выдал. Значит, это приближается не зверь. Человек? Откуда он здесь и зачем идет ночью, не дожидаясь рассвета?

Мысли скакали от одного предположения к другому. Вполне может быть, что это один из удэгейских охотников, но тогда почему Мионка не предупредил о нем?

Манаев дунул на свечу. Шаги затихли, видимо, человек остановился, поняв, что его обнаружили. Неизвестность тревожила, заставляла прибегнуть к оружию. Самое время подумать о самозащите. Внутреннее напряжение внезапной мощной волной ворвалось в подсознание, напрягло нервы и мышцы и отхлынуло спокойно-равнодушно, унося все тревоги, потому что снаружи совсем близко натужно закашлял старик. Опять зашаркали шаги. Застыдившись необъяснимого страха, Манаев запалил свечу уже не для себя, а для старого путника, вынужденного куда-то спешить в такую темень. Две собаки напряженно ждали, глядя на него, и не шевелились. Кашляющий старик был уже близко, когда неожиданно, видимо спросонья, заплакал ребенок. Горько заплакал, тоненько, без слов.

Так вот в чем дело! Дед спешит к людям с больным ребенком на руках, а он стрелять собрался. Необходима его помощь! Опасность отошла в сторону, ей на смену пришло сострадание. Манаев раздвинул шире брезент у входа, и слабый свет свечи вырисовал за входом траву и колышек оттяжки от палатки. Теперь можно было вылезти и раздуть потухший костер. Ребенок больше не плакал, старик не кашлял и не шаркал пимами. На какой-то миг тишина и мрак придавили все звуки.

В центре костра вырос первый маленький язычок, и вот уже жадное многоязычье охватило ворох хвороста, взметнулось к небу, разгоняя мрак и страх, потом... Это «потом» Виталий неоднократно вспоминал после той тревожной ночи!

Потом раздался громкий адский хохот. Казалось, он звучал со всех сторон. Хохотали кусты, деревья, трава и само небо, и ужасный гром тревожно отдавался в ушах. Вспомнив о ружье, Виталий поднял ствол к небу и спустил курок. Сноп огня разорвал ночь, убив пугающий хохот, и уже после того, как он опустил ружье, гулкий звук, отражаясь от гор, несколько раз возвращался к нему, постепенно затухая. Две собаки сорвались с места и с громким лаем исчезли в темени ночи, ставшей после выстрела еще плотнее. Их возбужденный лай вскоре затих вдали. Щенок остался с Манаевым. Широко расставив лапы и поджав хвостик под брюхо, он издавал отрывистые хриплые звуки.

Собаки вернулись перед рассветом и легли у палатки, закрыв глаза. Им было стыдно, что не сумели принести добычу после выстрела, как делали это всегда.

Виталий тщательно осмотрел всю территорию вокруг стана. Нигде не было никаких следов.

В полдень вернулся Вавилов с группой. Мионка, выслушав рассказ о событиях минувшей ночи, пояснил:

— Дедушка гости ходила.

— Теперь я спокоен, — рассуждал Вавилов у вечернего костра, — работы выполним в полном объеме. С таким продуктом можно горы свернуть.

Сидя вокруг веселого огня, они священнодействовали, откусывая попеременно то от кусков изюбятины, пахнувшей копченой колбасой, то от толстой и сочной черемши. Жена проводника все не могла успокоиться и в лицах изображала, как дедушка Филин приходил в гости к Манаеву. Все весело смеялись, вспоминали забавные случаи из жизни каждого, договаривались идти в следующие походы в том же составе, потому что все у них ладно получается.

Хитрые звезды загадочно подмигивали из реки.

